

Юйцин Сяньцзунь прибыл!

В глазах Чэн И вспыхнул восторженный блеск. Несмотря на то что его руки и ноги всё еще были скованы, а заклятие лишало голоса, он отчаянно забился на земле, пытаясь поднять голову и не сводя горящего взгляда с небесного гостя.

Чжу Цинчэнь скользнул по нему коротким взглядом и небрежно взмахнул рукавом. Магические путы на запястьях и лодыжках Чэн И лопнули сами собой, и немота мгновенно отступила.

Едва почувствовав свободу, юноша вскочил на ноги и первым же делом со всей силы заехал Шэнь Минчжу в челюсть, вырывая из его рук свои кинжал и колокольчик.

Сюй Фантин попытался было вмешаться, но Чэн И тут же наградил и его увесистым ударом:

— Да пошел ты к черту!

В этот выпад он не вложил ни капли духовной энергии — лишь чистую, грубую физическую силу и всю ту «искренность», что была заложена в его имени.

Раздав долги этим двоим, Чэн И бросился к Чжу Цинчэню.

Сяньцзунь, едва услышав звон колокольчика, понял, что случилась беда. Он велел Лу Наньсину спуститься к подножию горы и найти вольных практиков, а сам поспешил на выручку ученику. В ордене Сюаньтянь всё же не до конца растеряли остатки стыда: для своего черного дела они выбрали глухое, окруженное скалистыми пиками место. Чжу Цинчэню пришлось потратить время, чтобы отыскать этот укромный уголок.

К счастью, он успел.

Чэн И не пробежал и половины пути, как мощная невидимая сила обрушилась на него сзади, сковывая движения и не давая ступить ни шагу. Оглянувшись, он увидел главу ордена Сюаньтянь.

Прежняя маска добродушия и кротости была сорвана: лицо главы исказилось в яростном оскале. Он мертвой хваткой удерживал юношу и кричал застывшим в оцепенении старейшинам:

— Живо, помогайте! Если об этом прознают за пределами гор, Сюаньтянь придет конец!

Забываясь лишь о собственной репутации, старейшины мгновенно очнулись и направили свою духовную энергию в общую атаку. Чэн И показалось, будто его сжимает гигантская ладонь; дыхание перехватило, а внутренности, казалось, вот-вот сдвинутся с мест.

В следующий миг Чжу Цинчэнь спрыгнул со спины журавля и, едва коснувшись земли носками сапог, замер перед Чэн И. Одной рукой он отразил натиск врагов, а другой обхватил юношу за плечи, вырывая его из-под гнета чужой воли.

Чэн И жадно глотал воздух, ощупывая себя и проверяя, не раздавлен ли он в лепешку. Лишь убедившись, что цел, он выдохнул:

— Благодарю вас, Сяньцзунь.

— Встань за мою спину, — ровным голосом произнес Чжу Цинчэнь.

— Слушаюсь.

Чэн И послушно укрылся за наставником. Сяньцзунь же нарастил мощь. Послышался низкий гул — Система, управляя мечом, заставила его разделиться на множество фантомных клинков, которые вступили в яростный бой с главой и старейшинами.

Чжу Цинчэнь уже собирался заговорить, когда глава вновь атаковал, концентрируя энергию для смертельного удара:

— Теперь выход один: убить Чэн И, а следом — и Юйцина!

Старейшины на миг заколебались. Прикончить мальчишку-бродягу было парой пустяков, но поднять руку на Сяньцзуна... Никто не знал, насколько глубока его истинная сила. Могли ли они вообще надеяться на победу?

Глава обернулся к ним, брызжа слюной:

— Да живей же вы! Или хотите покрыть себя позором до конца дней? Если ударим вместе, мы его сокрушим!

Первым на помощь главе бросился Сюй Фантин.

— Дяди-наставники, в этом деле мы повязаны одной кровью! Мир заклинателей давно изменился, Юйцин — всего лишь одиночка из прошлого, сейчас о нем почти никто не помнит.

Его смерть останется незамеченной. Но наш орден — это власть и величие, ваши имена гремят под небесами. Неужели вы позволите какому-то бродяге разрушить всё это?

Его голос так и сочился ядом:

— Если не убьем сейчас, завтра будет поздно!

Эти слова стали последней каплей. Старейшины, отбросив сомнения, присоединились к облаве. Поток духовной энергии хлынул на Чжу Цинчэня, поднимая в воздух вихри пыли.

Даже стоя за спиной мастера, Чэн И не удержался и отступил на пару шагов под натиском ветра; колокольчик на его поясе бешено забился, издавая беспорядочный звон.

Чжу Цинчэнь слегка поджал губы.

«Система, они хотят меня убить»

Система, воплотившаяся в белом журавле, опустилась рядом с ним.

«Ну так отправь их к черту! В этом мире ты — сильнейший. Тот, кто способен одолеть Систему 88 и ее Носителя, еще просто не родился!»

Сяньцзунь резко вскинул руки. Движение, напоминающее фигуру из Уцинъси (Игр пяти зверей), породило колоссальную волну энергии, которая смела всех нападавших разом. Враги с глухим стуком рухнули на землю, сплевывая кровь.

Глава, будучи мастером высокого ранга, сумел подняться. В его теле еще оставались силы для последнего боя. Чжу Цинчэнь одной рукой сдерживал его натиск, одновременно обращаясь к остальным:

— Теперь мне всё известно. Глава Сюаньтянь, ради Золотого ядра для своего ученика Шэнь Минчжу, опустился до обмана и предательства. Неслыханная низость.

Его взгляд стал ледяным:

— Вы — лишь соучастники. Тьма еще не полностью поглотила ваши души. Остановитесь сейчас, и я оставлю прошлое в прошлом. Но если продолжите сопротивляться — вас ждет только смерть.

Старейшины замаялись, готовые уже было перейти на сторону Сяньцзуня, как вдруг небеса потемнели. Тяжелые тучи скрыли лунный свет, погружая мир во мрак.

Чжу Цинчэнь поднял голову.

«Система, что происходит?»

Сюй Фантин торжествующе вскинул руку к небесам:

— Великий массив защиты горы активирован! Его создал сам основатель нашего ордена, великий Сюань Линцзы. Сегодня даже Бессмертному Юйцину не покинуть этих стен! Дяди-наставники, в бой!

Услышав это, колеблющиеся старейшины мгновенно сменили сторону. Настоящие флюгеры.

«Система, этот массив — проблема?»

«Никаких проблем. Выберемся»

— Хорошо, — Чжу Цинчэнь успокоился и вложил в новый удар еще больше силы, вновь вминая противников в землю.

Он сделал мимолетный жест, и валявшаяся неподалеку Веревка, связывающая бессмертных — та самая, которой пытали Чэн И — ожила. Слово наделенная собственным разумом, она взмыла в воздух и в мгновение ока намертво стянула руки и ноги Шэнь Минчжу.

Тот споткнулся и повалился в грязь:

— Учитель, спаси! Старший брат, на помощь!

— Минчжу?! — Глава ордена закричал в отчаянии. Сюй Фантин тоже изобразил на лице тревогу, хотя в его глазах не было искреннего страха.

Чжу Цинчэнь нахмурился и манил пальцем. Веревка вместе с вопящим Минчжу послушно прилетела к его ногам. Лицо юноши после удара Чэн И уже начало опухать, и Чжу Цинчэнь, не долго думая, добавил ему еще один удар с другой стороны.

Для симметрии.

Его наставник и Старший брат, всё еще кашляя кровью, не смели шелохнуться, боясь, что Сяньцзунь использует Минчжу как заложника.

Чжу Цинчэнь произнес сурово:

— Быть заклинателем с изъяном в теле или слабом ядре — не порок. Истинное уродство — это гнилое сердце, полное коварства и злобы.

Минчжу задрожал всем телом, едва шепча:

— Сяньцзунь...

— Эта беда началась с тебя, ты — корень зла, — Чжу Цинчэнь смотрел на него в упор. — Раз ты считал, что как любимый ученик главы имеешь право распоряжаться жизнями других, то знай: я — Юйцин Сяньцзунь, и у меня есть полное право распорядиться твоей судьбой.

Шэнь Минчжу не знал, что его ждет, но инстинктивный ужас сковал его сердце. Он широко раскрыл глаза, умоляя:

— Сяньцзунь, я осознал вину... Прошу, пощадите, я больше никогда...

Чжу Цинчэнь крепко сжал рукоять меча, направив острие прямо в лоб юноши. Глава ордена, догадавшись о его намерении, в ярости закричал:

— Юйцин! Не смей!

Минчжу забился в путах, глядя, как сверкающее лезвие приближается к нему.

Система напомнила:

«Сюжет еще не завершен, убивать их нельзя»

«Я знаю», — мысленно ответил Чжу Цинчэнь.

Он сделал резкое движение кончиком меча. В наступившей тишине раздался звук, похожий на лопнувшую струну — он отозвался эхом прямо в голове Шэнь Минчжу. В следующее мгновение блеск в его глазах потускнел.

— Чжу Цинчэнь! Как ты посмел?! — взревел глава.

Сяньцзунь медленно опустил меч:

— Всё это случилось потому, что он не желал смириться со своим слабым ядром. Раз уж он так жаждал чужого, я навеки связал его духовный корень с его собственным ядром. Теперь он будет дорожить им как зеницей ока. И если он вновь попытается похитить чужую силу — его ждет немедленная смерть.

У Шэнь Минчжу было ядро, просто оно было ущербным. При должном усердии и годах тренировок он вполне мог стать достойным практиком. Но он предпочел легкий и подлый путь. Наложив заклятие, Чжу Цинчэнь оставил ему возможность развиваться честно — это и без того было актом великого милосердия.

Но Шэнь Минчжу не выдержал тяжести этой правды: его глаза закатились, и он без чувств рухнул на землю.

Глава ордена был вне себя от горя:

— Я уничтожу тебя!

Сяньцзунь убрал меч в ножны и холодно бросил через плечо:

— Я лишь укрепил связь его духа с телом, не лишая его возможности практиковать. Это — проявление моей милости. Если продолжишь кричать, я просто оборву его корень навсегда.

В его голосе звучала такая решимость, что глава осекся. По его щекам покатались беззвучные слезы:

— Сын мой...

Чэн И в глубине души считал, что Шэнь Минчжу заслуживает смерти. Весь этот кошмар начался из-за него, и если бы мастер не подоспел вовремя, сколько еще жизней было бы принесено в жертву его капризам? Впрочем, если Сяньцзунь не хотел марать руки, такой исход тоже был приемлем.

Чжу Цинчэнь направился к остальным. Глава ордена, раздавленный крахом своих надежд, сидел на земле, то плача, то безумно смеясь. Старейшины же, вконец запуганные, теперь горько раскаивались. Им следовало сдаться сразу — как они могли пойти за безумцем против самого Сяньцзуна?

Преодолевая боль, они поползли к нему на коленях, моля о пощаде:

— Сяньцзунь, простите нас! Мы были ослеплены ложью главы! Мы не виноваты, мы лишь исполняли его волю!

— Я уже давал вам шанс, — бесстрастно ответил Чжу Цинчэнь.

— Нас обманули! Всё затеял глава! Это была его идея!

Сяньцзунь, не слушая их оправданий, обернулся к Сюй Фантину. Ему было любопытно, как тот попытается выкрутиться на этот раз. Старший брат, видя, что его песенка спета, лишь на мгновение замялся и тут же пал ниц:

— Молю о прощении, Сяньцзунь.

Гибкости его позвоночника можно было только позавидовать. Чжу Цинчэнь усмехнулся:

— И в чем же, по-твоему, заключается твой грех?

Сюй Фантин запнулся:

— Я... я не должен был слепо доверять главе... не должен был вводить Чэн И в заблуждение.

Он заговорил быстрее, срываясь на горячечный шепот:

— Пусть сначала я и приблизился к нему с дурным умыслом, но... когда я сжимал кинжал, чтобы вырезать ядро, я почувствовал, как мои руки дрожат. Я не смог бы этого сделать, я...

Он зажмурился, решив идти до конца:

— Я полюбил его!

Чжу Цинчэнь не выдержал и расхохотался.

Система заметила:

«Не смейся. Это классический прием «крематория»: главный герой пускает слезу, рассказывая о своих страданиях, чтобы жертва его простила. Пусть и немного преждевременно. Как случайный свидетель, ты должен быть тронут до глубины души»

Чжу Цинчэня эта сцена ничуть не трогала, лишь забавляла. Он обернулся к Чэн И:

— Слышишь? Он говорит, что любит тебя и на самом деле не собирался причинять тебе вред.

Чэн И подошел ближе, его голос был холодным как лед:

— В душе он, может, и колебался, но рука его была тверда. Сюй Фантин, я не дурак. Думаешь, пара слезливых слов что-то изменит? Я и сам так умею.

Он намеренно заговорил едким, притворным тоном:

— Ах, Старший брат, мне тоже очень больно. Я так люблю тебя, но в твоей голове слишком много коварных мыслей. Поэтому я решил вскрыть тебе грудь и посмотреть, сколько там тайных умыслов, чтобы ты всегда оставался рядом со мной. Не вини меня: когда я буду вонзать нож, мои руки тоже будут дрожать, но это лишь от великой любви. Если ты и впрямь любишь меня, ты ведь позволишь мне это доказать, верно?

Сюй Фантин понял, что с Чэн И этот номер больше не пройдет, но другого оружия у него не было. Он состроил самую искреннюю мину, на которую был способен:

— Чэн И, я не лгу. Если бы Сяньцзунь не пришел, я бы сам тебя отпустил. Мне было невыносимо тяжело: на одной чаше весов — мой учитель и брат, на другой — ты. Я думал, что смогу спасти обоих, я думал, что ядро — это не такая уж большая цена, и я смогу со временем восполнить твою потерю... Но я не знал, что оно так важно для тебя...

Что за чушь! Для кого в мире заклинателей Золотое ядро может быть неважным?

Сяньцзунь мысленно обратился к Системе. Та тут же выдала результат:

«Проверка пройдена. Совпадение с оригинальным текстом — 100%. Ровно те же слова он говорил Лу Наньсину в книге»

Чжу Цинчэнь посмотрел на Фантина с нескрываемым отвращением. Чэн И же демонстративно поковырял в ухе, словно услышал что-то невыносимо грязное.

— Ты не знал, как важно для меня ядро? У тебя что, вместо мозгов труха? Раз оно не важно, почему же ты не отдал свое этому недоноску?

— Чэн И, я...

— Я повторю еще раз, Сюй Фантин: ты ничем не лучше уличной девки. Только те честно говорят, чем торгуют, а ты? Одному строишь глазки, на другого заглядываешься, а как только Минчжу потерял власть — тут же переметнулся. Кто ты такой? Обычное собачье дерьмо на дороге, на которое упал луч солнца. И ты вообразил, что позолочен? Дудки. Ты просто вонючая куча экскрементов!

Чэн И сохранял ясность ума. Он никогда не забудет того леденящего ужаса, который испытал, когда думал, что лишится своей сути.

Внезапно юноша пошатнулся. Чжу Цинчэнь подхватил его:

— Что с тобой?

— Ядро... — прошептал Чэн И. — Оно формируется. Еще там, в темнице, началось...

— Почти готово, — Чжу Цинчэнь помог ему сесть поудобнее. — Отдохни здесь, я закончу дела.

Он повернулся к главе и старейшинам. Те продолжали причитать, сваливая всю вину на своего лидера.

— Хватит этой пустой болтовни, — отрезал Сяньцзунь. — Искреннее признание вины помогло бы вам куда больше.

Старейшины осеклись и, сообразив, к чему клонит мастер, наперебой затараторили:

— Сяньцзунь, мы... мы были одурманены жаждой власти! Мы хотели угодить главе, ведь Шэнь Минчжу — его любимчик. Мы думали, что заслужим его расположение... Это была роковая ошибка!

Правда, какой бы неприглядной она ни была, звучала куда убедительнее.

— Мы презирали вольных практиков. Думали, что забрать у одного из них ядро — невелика потеря, ведь за него некому заступиться. Мы осознали свой грех! Молим о пощаде!

Чжу Цинчэнь вздохнул и взмахом руки наложил на них ограничение:

— Идите и переписывайте «Искусство чистого сердца». Десять тысяч раз. Пока не постигнете истину, не останавливайтесь. Праведный труд может исцелить ваши души. Помните: кривые тропы ведут в бездну.

Старейшины поспешно закивали, чувствуя, как гора свалилась с плеч:

— Да! Благодарим Сяньцзуня за милость!

Чжу Цинчэнь с мечом в руке подошел к Сюй Фантину. Тот, помня, как подстрекал остальных убить мастера, в ужасе пополз назад. Он пытался вскочить и бежать, но раны лишили его былой прыти. Спотыкаясь, он рухнул прямо в центр того самого магического круга, где недавно лежал Чэн И.

Сяньцзунь медленно приближался. Сюй Фантин в отчаянии выкрикнул:

— Сяньцзунь, я — спаситель этого мира! Через несколько месяцев откроется Демоническая

бездна, и только мне под силу запечатать ее!

— Я уже говорил тебе: я не верю в сказки о спасителях.

— Тогда зачем вы прибыли в Сюаньтянь...

До него вдруг дошло. Чжу Цинчэнь с самого начала подозревал их и поднялся на гору именно ради спасения вольных практиков.

— Вы с самого начала не собирались меня учить! Вы предвзяты! Почему? Почему вы учили бродяг, но отказывали мне?

— С первого же дня я передал тебе и Шэнь Минчжу свитки с техниками и мечами, — спокойно ответил Чжу Цинчэнь. — Вы сами не пожелали их практиковать.

— Ложь! Всё не так! Вы учили их чему-то иному! Тайным техникам, которые скрыли от нас!

— Верить ты мне или нет, но я давал всем одно и то же...

Не успел он договорить, как Чэн И, отдохавший неподалеку, внезапно рванулся вперед и влепил Фантину оглушительную пощечину:

— Заткнись! Не смей оскорблять Сяньцзуня своими подозрениями!

Чжу Цинчэнь едва заметно улыбнулся: теперь и лицо Сюй Фантина стало симметрично багровым.

— Что ж, раз ты считаешь себя «спасителем», я дам тебе выбор.

Сюй Фантин с надеждой поднял голову:

— Слушаю вас, Сяньцзунь.

— Первое: ты выйдешь к ученикам Сюаньтянь и прилюдно признаешься во всём, что совершил.

Старший брат тут же побледнел. Сделать это — значило навсегда уничтожить свою репутацию.

— Второе, — продолжил Чжу Цинчэнь, указывая на лежащего в забытьи Шэнь Минчжу. — Ты отдашь СВОЁ Золотое ядро ему. Ты ведь любишь его, не так ли? Он твой драгоценный Младший брат. Я лично проведу операцию и гарантирую успех.

Чжу Цинчэню было любопытно, кого же он любит на самом деле. В книге, пока Лу Наньсин был жив, он клялся в любви Шэнь Минчжу. Когда Наньсин погиб, он объявил его своей единственной любовью и убил Минчжу в знак искупления. В реальности же, когда он собирался резать Чэн И, он вновь любил Минчжу. А минуту назад божился, что любит Чэн И. Его «любовь» менялась чаще, чем погода в горах.

И этот человек в оригинале смел утверждать, что следует «Пути бесстрастия»? Скорее уж, его путем было «Многообразие страстей».

— Я... — Сюй Фантин забился лбом о землю. — Молю о пощаде! Молю о милости!

— Так каков твой выбор? — настаивал Чжу Цинчэнь.

Фантин не хотел выбирать ни то, ни другое.

— Прошу, Сяньцзунь, подумайте о судьбах мира! Оставьте надежду для людей! Вдруг я и впрямь тот самый спаситель...

Сяньцзунь не верил ему ни на грош. Глядя на это жалкое существо, он не видел в нем героя. Чжу Цинчэнь развернулся, собираясь уходить. Фантин облегченно обмяк, решив, что его доводы подействовали.

Но в следующую секунду Чжу Цинчэнь взмахнул Верёвкой, связывающей бессмертных, и, подхватив спеленатого Фантина, потащил его за собой.

— Сяньцзунь?! — вскрикнул тот.

— Раз ты не можешь выбрать сам, я помогу тебе с первым вариантом. Мне нужно спуститься с горы, а ты послужишь мне проводником.

***

Никто не понимал, почему внезапно активировался великий защитный массив. Все ученики Сюаньтянь были подняты по тревоге и, обнажив мечи, высыпали к главным воротам. Как раз в этот момент вернулся Лу Наньсин вместе с группой вольных практиков.

Увидев направленные на них клинки, бродячие заклинатели тоже взялись за оружие.

— Что вы задумали? — выкрикнул Лу Наньсин.

Ученики Сюаньтянь не остались в долгу:

— Это мы должны спросить вас! Что вы натворили, раз сработал наш массив?!

— Мы просто ходили в город! При чем здесь мы и ваша защита?

— Не врите! Наверняка вы что-то затеяли, раз гора закрылась!

Посыпались обвинения.

— Вы небось украли сокровища ордена и хотели сбежать!

— Точно! Они воры! Мы приютили их, а они отплатили черной неблагодарностью!

Ученики ордена не унимались. Лу Наньсин, потеряв терпение, рявкнул:

— Заткнитесь!

Он обвел их яростным взглядом:

— Думаете, мы ничего не знаем? Ваша хваленая «доброта» — сплошной обман! Вы заманиваете практиков в орден, стережете их как скот на убой, ждете, пока у них созреет Золотое ядро, чтобы вырезать его и отдать вашему бездарному Младшему брату!

Эти слова прозвучали как удар грома. На площади воцарилась гробовая тишина, которая тут же сменилась хаосом. Ошеломлены были не только бродячие заклинатели, но и большинство учеников ордена. Те немногие, кто был близок к Сюй Фантину и догадывался о правде, поспешно пятились в тень.

— Наньсин, — дрожащим голосом спросили практики, — Чэн И... его увели для этого?

— Да, — кивнул Наньсин. — Но не бойтесь, мой мастер уже пошел за ним. Всё будет хорошо.

Толпа практиков взорвалась гневом:

— Так вот почему вы не давали нам уходить! Гнусные твари, вы планировали разделать нас как мясо!

Ученики Сюаньтянь, придя в себя, начали огрызаться:

— Клевета! Мы — праведный орден, мы никогда бы не опустились до такого!

— Вы сами знаете, что у вас на уме!

— Бродяги есть бродяги, никакого воспитания, одни гадкие вымыслы!

Мечи со звоном покинули ножны — ученики Сюаньтянь решили проучить наглецов. Лу Наньсин вскинул свой деревянный меч, а практики похватили свое оружие. Неизвестно, кто ударил первым, но через мгновение всё смешалось: крики, лязг металла, стоны боли.

На поверку ученики ордена оказались не такими уж грозными воинами. Их движения были красивыми, но лишенными той закалки, что была у бродяг. Лу Наньсин, давно копивший обиду, сражался один против десяти, вминая спесивых юнцов в землю.

— Бессовестные лицемеры!

— Ложь! Всё вранье!

Однако числом орден превосходил нападавших, и практики начали понемногу отступать. Вспомнив, как эти люди когда-то клеветали на него, обвиняя в соблазнении их Старшего брата, Лу Наньсин издал яростный клич и одним мощным взмахом деревянного меча раскидал стоящих перед ним врагов.

— Прочь с дороги!

Спустя вечность откуда-то издали пришла волна неведомой силы, разбрасывая сражающихся в разные стороны.

— Остановитесь.

Чжу Цинчэнь вел за собой связанного Сюй Фантина, за его плечом шел Чэн И. Увидев мастера, Лу Наньсин и практики почувствовали, как к ним вернулась уверенность. Они тут же окружили Сяньцзуня.

— Мастер! Сяньцзунь!

— Хм, — Чжу Цинчэнь рывком бросил Фантина перед учениками ордена. — Сюй Фантин, говори сам.

— Старший брат!

Увидев своего кумира в таком жалком виде, ученики бросились к нему. Но тот, не давая им развязать веревки, лишь низко опустил голову.

— Они не лгут, — выдавил он.

— Что?!

— Глава ордена с самого начала планировал забирать ядра у практиков для Шэнь Минчжу.

Ученики замерли в шоке, но это длилось недолго. Их разум быстро нашел оправдание.

— Да это... это была бы честь для них!

— Для какого-то бродяги отдать ядро нашему Младшему брату — высшая милость, которой они недостойны!

«Яблоко от яблони», — подумал Чжу Цинчэнь. Эти люди были неисправимы. Сюй Фантин украдкой взглянул на Сяньцзуня и, заметив его холодный взгляд, прикрикнул на учеников:

— Молчать! Мы совершили преступление, как вы смее еще и оправдываться?

Те опешили:

— Брат, но как же...

Фантин, пошатываясь, встал на колени перед Чжу Цинчэнем:

— Молю о пощаде! Прошу, Сяньцзунь, не вините рядовых учеников Сюаньтянь!

Лишь тогда до остальных дошел масштаб катастрофы. Они посмотрели на запятнанный кровью белоснежный подол Юйцина, и страшная догадка промелькнула в их умах. Неужели Бессмертный вырезал всех в главном зале?

Дрожа от страха, они повалились ниц:

— Молим о прощении!

Чжу Цинчэнь усмехнулся, глядя на Фантина:

— Ловко ты переобулся.

Мгновенно сменить сторону, чтобы спасти шкуру — в этом Сюй Фантину не было равных.

— Благодарю за похвалу, Сяньцзунь, — прошептал тот.

Чжу Цинчэнь обернулся. Чэн И был на грани прорыва; он был крайне слаб и держался лишь благодаря помощи товарищей. Внезапно пошатнулся и Лу Наньсин. Мастер подхватил его и почувствовал, как рука горит от жара, исходящего от лба юноши.

— И ты тоже?

Лу Наньсин посмотрел на него туманным взглядом:

— Не знаю...

Медлить было нельзя. Сяньцзунь подтолкнул их к выходу:

— Уходите первыми.

— Слушаемся!

Они подхватили Чэн И и Лу Наньсина. Ученики ордена Сюаньтянь, стоя на коленях, послушно расступились, давая им дорогу. Чжу Цинчэнь шел последним. Дождавшись, пока все практики покинут ворота, он тоже приготовился уйти.

Он застыл в глубоком поклоне:

— Счастливого пути...

В следующую секунду кончик меча Сяньцзуня коснулся его лба, накладывая Очищающий сердце заговор. Теперь, едва в его душе зародится злобный умысел, он почувствует невыносимую боль, словно тысячи муравьев пожирают его сердце. Фантин в ужасе вскинул голову.

Он окинул ледяным взглядом собравшихся:

— Очистите разум, усмирите гордыню и усердно тренируйтесь — тогда у этого ордена еще будет шанс. Но если продолжите искать легкие пути во тьме — я вернусь и закончу начатое.

Эти слова предназначались прежде всего Сюй Фантину. Тот, для кого репутация была дороже жизни, теперь был опозорен перед всеми учениками. Он припал к земле, стиснув зубы, и в бессильной ярости ударил кулаком по камням.

Сяньцзунь убрал меч и, не оборачиваясь, прошел сквозь великий массив Сюаньтянь. Стоило

ему выйти, как ученики попытались броситься вдогонку, но наткнулись на невидимую стену.

Мастер обернулся и развел ладони, перенаправляя потоки энергии защитного массива. Теперь древняя магия, веками защищавшая орден от внешних врагов, была направлена внутрь, превращая гору в неприступную тюрьму.

Чжу Цинчэнь начертил мечом знак на земле и спокойно произнес:

— Я знаю, что провизии в ваших погребах хватит надолго. Пара месяцев затворничества вам не повредит. Перепишите «Искусство чистого сердца» десять тысяч раз. Кто закончит — тот сможет выйти.

Система запретила убийства, но не запретила воспитательные меры. Пусть сидят взаперти и занимаются делом — так они хотя бы не причинят вреда никому другому, кроме самих себя.

Ветер трепал окрашенные кровью одежды Чжу Цинчэня, а золотистое сияние массива отражалось в его спокойных, бездонных глазах.

<http://bllate.org/book/15820/1439823>